

РЕАКЦИЯ ЕС НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ КНР

Ю.Д. Жданова, И.А. Истомина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Субъектность Европейского союза на международной арене представляет предмет острых политических и академических дискуссий. Будучи объединением государств с широким набором как совпадающих, так и различающихся интересов, он остро сталкивается с проблемой коллективного действия. При этом существующие в ЕС механизмы её преодоления не всегда обеспечивают оптимизацию его курса во взаимодействии с крупными партнёрами. Настоящая статья демонстрирует, что в отстаивании общего интереса ЕС сталкивается со сложностями даже в той сфере, в которой интеграционное объединение обладает наибольшими компетенциями – в вопросах внешнеэкономического сотрудничества. Положение, в котором при относительной слабости европейских институтов и общей идентичности участники объединения отдадут предпочтение национальным интересам, представляет собой конкретное проявление проблемы коллективного действия. Авторы рассматривают в этом ключе взаимодействие ЕС с Китаем. КНР выступает крупным торгово-инвестиционным партнёром европейского объединения. Более того, в контексте финансово-экономических трудностей первой половины 2010-х гг. наблюдается растущая зависимость государств-членов ЕС от доступа к финансовым ресурсам азиатской державы. Заинтересованность в китайских инвестициях ведёт к снижению контроля над ними без симметричных уступок со стороны Пекина в отношении европейских инвесторов. Кроме того, она побуждает и к корректировке позиции государств-членов ЕС по ряду политических вопросов, чувствительных для КНР. Пока Европейская комиссия ведёт сложные переговоры, добиваясь расширенного доступа европейских компаний на китайский рынок, отдельные страны ЕС конкурируют между собой за китайские инвестиции. Более того, порой они сознательно перекладывают на Брюссель наиболее проблемные вопросы в отношениях с Пекином. В статье показаны особенности конкурентных стратегий Германии, Великобритании, Франции и стран Центральной и Восточной Европы в этой области. В том числе, рассмотрены первые результаты осуществления китайской инициативы сотрудничества «16+1». Авторы демонстрируют как наблюдаемая конкуренция снижает переговорную силу Брюсселя в отношениях с Пекином.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, проблема коллективного действия, Центральная и Восточная Европа, евротройка, экономическое сотрудничество, 16+1.

В 2015 г. ЕС и Китай отметили 40-летнюю годовщину установления официальных отношений. За истекший период стороны выстроили многоплановое взаимодействие. В настоящее время функционируют около 60 двусторонних диалоговых форматов разного уровня; КНР – крупнейший торговый партнёр Евросоюза, а ЕС – основной потребитель китайского экспорта.

Взаимодействие ЕС – КНР существенно трансформировалось под влиянием финансового кризиса 2008–2009 гг., послужившего прологом долгового кризиса еврозоны. Нарастающие трудности заставили европейские страны искать у Китая поддержки, что привело к росту дисбаланса в экономических отношениях ЕС и Пекина. К тому же возникла и стала усиливаться конкуренция государств-членов интеграционного объединения за китайские инвестиции.

В итоге возникает парадоксальная ситуация: Европейский союз, превосходящий Китай по институциональному влиянию, экономическому весу и технологическому заделу, вынужден идти на уступки Пекину ввиду недостатка внутренней консолидации. На международной арене ЕС не может действовать без согласования с входящими в него государствами, которые своими внешнеполитическими шагами либо препятствуют, либо способствуют реализации общеевропейской стратегии.

Для понимания политики Европейского союза в отношении Китая необходимо ответить на ряд вопросов. Каким образом в условиях усиления финансово-экономической зависимости от КНР проявляется многоуровневая природа Евросоюза? Какие ограничения накладывают национальные стратегии членов ЕС на реализацию общей внешней политики в отношении Пекина?

В последние годы отечественные авторы опубликовали ряд работ, освещающих отношения отдельных европейских стран с Китаем [1; 3; 5]. Однако до сих пор не предпринималось попыток осмыслить национальные стратегии после финансово-экономического и долгового кризисов с учётом членства стран в ЕС. Настоящая статья преследует цель заполнить эту лауну.

Потенциал и ограничения субъектности ЕС в международной политике

За последнюю четверть века роль ЕС в международных отношениях зачастую становилась предметом академических и политических дискуссий. Исследователи-традиционалисты, занимающие государствоцентричную позицию, рассматривают ЕС как межгосударственную организацию, которую национальные правительства используют для отстаивания собственных интересов. Представители либерального институционализма обращают внимание на вызревание в рамках международных институтов собственной, притом усиливающейся, мирополитической субъектности¹. В попытках примирить эти противоположные взгляды А. Ниманн и Ш. Бретертон характеризуют Евросоюз как

¹ Moravcsik A. Europe Is Still a Superpower // Foreign Policy. 13.04.2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/04/13/europe-is-still-a-superpower/> (дата обращения: 20.08.2017). См. также [2].

многоуровневое, квазинациональное политическое объединение участников с различными внешнеполитическими предпочтениями [29].

Особой позиции придерживаются С. Марш и Г. Макенстайн, которые оценивают Евросоюз как институт *sui generis* [26, с. 56]. Они объясняют различия в восприятии ЕС непониманием уникальной природы объединения, которую нельзя рассматривать через призму традиционных теорий. Реалисты порой замалчивают примеры успешной международной деятельности Европейского союза. Со своей стороны, приверженцы внешнеполитической субъектности ЕС редко пытаются дать объяснение её пределам. Увлекаясь доказательством того, что Евросоюз способен говорить «единым голосом», они избегают объяснения случаев, когда этого не происходит.

Следуя за рядом исследователей, нам представляется перспективным рассмотрение Европейского союза в рамках теории организаций – как «метаорганизации». Данное понятие отражает специфику объединения структурированных общностей [7, с. 68], которые подвержены манипулированию в меньшей степени, чем физические лица. В то же время метаорганизации сложно регулировать поведение своих участников, в том числе во взаимодействии с внешней средой.

Подобное положение обостряет базовую для социальных отношений проблему коллективного действия [30], которая обусловлена стремлением рациональных игроков-участников объединения максимизировать собственную выгоду при одновременной оптимизации издержек. Даже апологеты кооперативного взаимодействия признают, что вероятность полного совпадения интересов субъектов крайне мала. Субъекты лоббируют коллективные решения, соответствующие их предпочтениям, блокируют или затягивают рискованные и дорогостоящие инициативы, пытаются переложить на своих партнёров расходы по поддержанию сотрудничества, саботируя или уклоняясь от внесения собственного вклада.

Описанная проблема может быть разрешена при наличии гегемона, готового нести основное бремя издержек, так как для него выгоды от сотрудничества превзойдут расходы [23]. В последние годы в ЕС отчасти такую роль выполняет Германия, но для полной консолидации Евросоюза её возможностей недостаточно.

Альтернативой гегемону выступают общие институты, способные быстро выявлять случаи уклонения участников от взятых на себя обязательств и повышать цену некооперативного поведения [21]. Взаимодействие в интеграционном объединении занимает промежуточное положение между внутренней политикой развитых стран (насыщенная институциональная среда обеспечивает относительно эффективный контроль над поведением членов общества) и международными отношениями (система регулирования сохраняет рудиментарный характер).

Наконец, решение проблемы коллективного действия может обеспечиваться совместной социализацией участников, которая приводит к формированию

общей идентичности. В этом случае поведенческая рационализация игроков сдвигается от «логики последствий» к «логике соответствия», когда выполнение социальных норм, в том числе связанных с общими интересами, превращается для них в самостоятельную ценность [11].

За последние десятилетия в сознании граждан ЕС происходит укоренение европейских ценностей. В то же время доминирующей становится модель «дуальной идентичности», в рамках которой население ассоциирует себя с национальной общностью и, одновременно, с Европейским союзом [32]. Подобное положение не способствует разрешению проблемы коллективного действия, которая подразумевает конфликт между сильной национальной идентичностью и реальной, но более слабой идентичностью европейской.

В Евросоюзе присутствуют все описанные выше механизмы преодоления проблемы коллективного действия. Тем не менее, имеют место прецеденты некооперативного поведения государств-членов. Как метаорганизации, в которую входят игроки с широкими возможностями противостоять действию дисциплинирующих механизмов, Евросоюзу трудно выстраивать единую стратегию.

В контексте настоящего исследования субъектность понимается как способность к активным действиям в рамках международной системы. По Н. Съестедту, субъектность удовлетворяет следующим критериям: способность к самостоятельному действию, общность интересов и системы контроля над совместными ресурсами сообщества, способность к управлению кризисными ситуациями и наличие общей сети внешних представительств (external agents) [8; 33].

Евросоюз обладает всеми перечисленными характеристиками. Однако для эффективного функционирования в рамках государствоцентричной международной системы ему самому необходимо приобретать черты централизованного сообщества, каким выступает современное государство. Укрепление субъектности ЕС, в свою очередь, ассоциируется с ростом «наднациональности» [15, с. 969] и уменьшением автономии национальных правительств.

Превращение ЕС в субъект мировой политики происходит под влиянием сознательных решений и стихийного процесса углубления интеграции. Период осознания потребности во внешнем представительстве интеграционного объединения относится к 1950-м гг., когда были созданы его офисы в третьих странах [36]. Несмотря на то, что усилению внешнеполитической координации долгое время препятствовали опасения утери суверенитета государств-членов, ещё до 1990-х гг. Европейская комиссия превратилась в важного игрока в вопросах глобального регулирования экономических взаимодействий. По мере расширения компетенций внутри Сообщества, она получала всё большие полномочия по внешнему представительству [7].

В связи с этим ряд исследователей рассматривают положения Маастрихтского договора 1992 г., которыми учреждалась «Общая внешняя политика и политика безопасности» (ОВПБ), как инструмент сдерживания ползучего расширения власти Европейской комиссии, профилактику коммунитаризации

международной деятельности группировки [22, с. 46]. В то же время договор зафиксировал обязательства стран по дальнейшему сближению внешнеполитических ориентаций. В 1999 г. в соответствии с Амстердамским договором был введён пост Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности, который стал новым инструментом институционализации сотрудничества.

Однако наиболее существенные изменения внёс Лиссабонский договор 2009 г., наделивший ЕС международной правосубъектностью, что упростило его сотрудничество с третьими странами и международными организациями. Из 62-х внесённых в Договор поправок почти четверть относится к внешнеполитической сфере [17, с. 14]. Среди них – укрепление институциональных основ осуществления общей политики, в том числе создание Европейской службы внешних связей (ЕСВС). В Договоре также прописано обязательство государств-членов осуществлять консультации по всему внешнеполитическому диапазону (ст. 32), а также координация действий в рамках международных организаций и форумов.

В то же время декларации 13 и 14 к Лиссабонскому договору постулируют, что ОВПБ не ограничивает полномочия стран в сфере формулирования и реализации национального внешнеполитического курса [28]. В результате формируется многоуровневая система различных внешнеполитических стратегий², в рамках которой национальные интересы – порой кардинально противоположные – часто превалируют над общим подходом.

Евроскептики замечают: гармонизация национальных позиций в ЕС едва ли возможна, а интересы государств-членов ЕС с трудом адаптируются к общеевропейским. Ф. Бинди и Дж. Шапиро полагают, что сложность достижения консенсуса по вопросам внешней политики в ЕС предопределяется отсутствием механизма разрешения споров [10, с. 345]. С расширением Евросоюза способность к согласованию интересов между государствами-членами дополнительно ослабла, поскольку объединение стало слишком гетерогенным [8].

На ещё один сдерживающий фактор указывают У. Кроц и Р. Маэр. Они отмечают, что множественность существующих в рамках ЕС форматов, нацеленных на продвижение общей международной повестки, рассредоточивает внешнеполитический ресурс объединения [4, с. 458]. К примеру, по политическим вопросам 28 государств-членов ЕС вырабатывают «общую позицию», в то же время переговоры о торговых соглашениях ведёт Европейская комиссия. Межправительственное сотрудничество может охватывать все страны ЕС или только часть из них. При этом лидерство в сфере общей внешней политики может взять на себя конкретная группа. Особняком стоят и формирующиеся «особые отношения» как внутри ЕС (Франция и Германия), так и с третьими странами. После Лиссабонского договора в конкуренцию отдельных государств за влия-

² Многоуровневая система может выглядеть, например, следующим образом: «Евротройка» – ЦВЕ – общеевропейский подход.

ние на выработку совместных решений включились Европейская комиссия, Европейская служба внешних связей и председатель Европейского совета.

Ряд исследователей считает, что по-настоящему одним голосом ЕС удаётся говорить лишь в торговой сфере, где способность выступать единым фронтом позволяет Евросоюзу формировать благоприятный международный экономический режим. Считается, что в одиночку государства-члены не способны успешно отстаивать свою позицию в отношениях с крупнейшими экономическими контрагентами [27]. Когда же национальные политические линии сходятся под институциональным зонтиком, залогом международного влияния становится внутреннее единство. Пример тому – воздействие ЕС на либерализацию международной торговли услугами, вклад Евросоюза в развитие институциональных правил в рамках ВТО, а также противодействие одностороннему подходу в международной торговле.

Однако интересы национальных государств, входящих в ЕС, зачастую серьёзно различаются [18]. Активное участие малых стран во внешнеполитическом процессе уже обернулось торгом за частные преимущества, что снизило эффективность общей внешней политики. Как отмечают Дж. Джупилле и Дж. Капорасо, подобный результат может быть связан с активными действиями важного стратегического партнёра, предпочитающего развивать отношения с национальными правительствами [20]. В сложившейся ситуации желание достичь последовательности внешней политики ЕС может привести к тому, что государства-члены будут исходить из наименьшего общего знаменателя – то есть необходимость сохранения консенсуса внутри объединения будет побуждать к инертности на международной арене.

Состояние отношений ЕС и КНР после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.

В последние годы в отношениях ЕС и Китая происходит смещение баланса переговорной силы в пользу последнего. Триггером происходящих изменений стали глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшие трудности еврозоны. КНР обеспечила поддержку евро, став крупным покупателем облигаций стран, испытывавших долговые проблемы³. Если некоторые иностранные компании покидали ЕС, то китайские фирмы, напротив, расширяли своё присутствие⁴.

ЕС – главный торговый партнёр КНР, на которого приходится 13,4% всего торгового оборота страны (429 млрд евро) [13, с. 3]. Для ЕС Китай является вторым торговым партнёром после США (почти 515 млрд евро, или 14,9% – против

³ Wang A., Edwards N. China to keep investing in euro zone debt: China central bank // Reuters, 15.02.2012. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-europe-idUSTRE81E07J20120215> (дата обращения 20.08.2017).

⁴ Anderlini J. Chinese investors surged into EU at height of debt crisis // The Financial Times, 06.10.2014. URL: <https://www.ft.com/content/53b7a268-44a6-11e4-ab0c-00144feabdc0> (дата обращения: 20.08.2017).

соответственно 609 млрд евро, или 17,6%)⁵. По данным Еврокомиссии, взаимный торговый оборот характеризуется заметной асимметрией. Так, в 2015 г. ЕС экспортировал в КНР больше услуг, чем получал: 37 млрд евро (при росте на 71% относительно 2009 г.) против 26,4 млрд⁶. Обратная картина в торговле товарами: в 2016 г. стоимость китайского экспорта в ЕС составила 344 млрд евро, а импорта – 170,1. При этом постоянно растёт объём китайских инвестиций в экономику Евросоюза: с 6,1 до 35 млрд евро за 2010–2016 гг.⁷

Результатом интенсификации двусторонних торгово-экономических связей стало углубление зависимости европейских государств от китайской экономики и в особенности от импорта, что нашло отражение в дефиците торгового баланса ЕС. Например, в 2015 г. Нидерланды экспортировали в Китай товары на сумму 9,5 млрд евро, тогда как приобретали на 66 млрд⁸. Схожая ситуация наблюдается в подавляющем большинстве стран-членов Евросоюза.

В 2010-х гг. КНР стала важнейшим источником капиталовложений для европейских экономик, прежде всего в инфраструктуру. Наиболее заметным событием стало приобретение китайской компанией COSCO доли акций в крупнейшем греческом порте Пирей. Кроме того, инвесторы из КНР приобрели значительное число активов в электрогенерации и энергораспределительных сетях, железнодорожном и авиационном транспорте, а также в недвижимости [14]. В связи с этим стало очевидным отсутствие системы защиты стратегически значимых отраслей и предприятий на уровне Европейского союза, притом что подобный механизм присутствует на большинстве других крупных рынков (не только в Китае, но и в США, России и других).

Возрастание экономической зависимости отдельных государств-членов европейского интеграционного объединения от КНР создаёт политические экстерналии. В частности, Греция, выступающая одним из основных объектов китайской инвестиционной экспансии, в 2016–2017 гг. заблокировала принятие ЕС заявлений, осуждающих действия Пекина в Южно-Китайском море и его политику в отношении защиты права человека. Она также выступила против усиления надзора над капиталовложениями из КНР в европейские экономики.

Стремление стран-участниц ЕС к индивидуальным выгодам от партнёрства с КНР приводит к конкуренции за «китайский ресурс», что зачастую затрудняет формирование общей позиции. Но и КНР предпочитает решать возникающие

⁵ European Union, Trade in goods with China // European Commission – Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113366.pdf (дата обращения: 15.08.2017). European Union, Trade in goods with US // European Commission – Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113465.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

⁶ EU-China Trade // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (дата обращения: 15.08.2017).

⁷ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016 // MERICS Papers on China. No 3. January 2017. URL: http://rhg.com/wp-content/uploads/2017/01/RHG_Merics_COFDI_EU_2016.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

⁸ EU – China Summit: Record EU deficit in trade in goods with China of €180 billion in 2015 // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7553974/6-12072016-BP-EN.pdf/67bbb626-d55f-4032-8c24-48e4c9f78c3a> (дата обращения: 15.08.2017).

проблемы с отдельными правительствами [31, с. 1–4], что усугубляет описанную проблему. В китайской риторике утвердились специальные формулировки для характеристики каждого партнёра. Например, партнёрство с Францией «глобальное, близкое и прочное», с Италией – «стабильное, дружественное, долгосрочное и устойчивое».

Зачастую европейские государства оставляют Брюсселю проблемные вопросы в отношениях с Пекином, избегая «острых углов» на двустороннем уровне, где преобладают консенсусные и представляющие взаимный интерес темы. Одновременно возможности Европейской комиссии защищать общий рынок от неконкурентных практик китайских игроков ослабляет интерес европейских компаний к рынку КНР. Показательным стал пример антидемпингового расследования против компании Huawei. В 2014 г. Комиссии пришлось отказаться от разбирательства под угрозой ответных санкций Китая в отношении бизнес-интересов ЕС.

Брюссель, как и Вашингтон, беспокоит проблема защиты в Китае своей интеллектуальной собственности. Внедрение новых технологий китайскими компаниями нередко становится результатом копирования европейских инноваций, использованных на совместных предприятиях. Поэтому СП как доминирующий формат доступа зарубежных инвесторов в КНР уже долгое время вызывает недовольство европейских компаний [9, с. 6]. По сути, Пекин вынуждает их выращивать себе потенциальных конкурентов. В 1990–2000-х гг. ввиду колоссального технологического отрыва западных стран эта проблема игнорировалась, но сегодня она вызывает растущее беспокойство у европейских партнёров.

В этой связи в 2014 г. ЕС и КНР начали переговоры по двустороннему соглашению об инвестициях. Брюссель ставит задачу не только обеспечить защиту прав компаний, вложивших средства в китайские проекты, но и добиться дополнительных возможностей инвестирования. В свою очередь, Пекин также заинтересован в благоприятных условиях на европейском рынке для своих компаний. Из-за разногласий сторон достижение договорённости затягивается.

Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, будто у государств-членов ЕС отсутствуют общие интересы, связанные с КНР. Для их закрепления была утверждена амбициозная «Стратегическая повестка дня сотрудничества ЕС–КНР – 2020», которая включает около 100 статей по широкому спектру вопросов экономического взаимодействия⁹. В сфере торговли государства ЕС практически единогласно выступают за защиту своего рынка от растущих объёмов дешёвого и некачественного экспорта из КНР, опасаясь деиндустриализации с утратой рабочих мест в металлургии, нефтехимии и машиностроении [6]. По этой причине европейцы не только удерживают антидемпинговые пошлины на определённые виды китайской продукции, но и «одним голосом» отказываются предоставить КНР статус рыночной экономики в рамках ВТО.

⁹ EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation // European Union External Action, 23.11.2013. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf (дата обращения: 17.08.2017).

Приоритетное внимание в отношениях с КНР Евросоюз уделяет экологической проблематике. Совместное китайско-европейское заявление по климату от 29 июня 2015 г. способствовало успеху Климатической конференции ООН в Париже, а в контексте выхода США из Парижского соглашения и вовсе заговорили о «зелёном альянсе» ЕС и КНР¹⁰.

Государства-члены ЕС выступают за «тройное сопряжение», основанное на 1) координации инфраструктурных инициатив в духе декларации «EU – China Connectivity Platform»; 2) синергии между Инвестиционным планом оживления экономики Евросоюза (План Юнкера) и китайским проектом «Один пояс, один путь» (ОПОП); 3) устранении разделительных линий между сотрудничеством Китая со странами Центральной и Восточной Европы в формате «16+1» и со странами ЕС в целом.

По некоторым из названных направлений прогресс уже достигнут. В частности, в июне 2015 г. Китай первым из внешних партнёров объявил о готовности инвестировать в План Юнкера посредством участия в Европейском фонде стратегических инвестиций (это основной канал финансирования Плана). Сотрудничество в транспортно-логистической сфере включает в себя согласование стандартов, совместную разработку инфраструктурных проектов, а также развитие технологий¹¹. По мнению президента немецкого аналитического центра «Мерикс» Себастьяна Хайльманна, в перспективе для софинансирования крупных инфраструктурных проектов ЕС стоило бы всерьёз рассмотреть возможность сопряжения Европейской политики соседства (ЕПС) с ОПОП¹², тем более что ряд стран-участниц ЕПС пока остаются вне китайского проекта.

Страны-лидеры ЕС в конкуренции за китайский инвестиционный ресурс

Наиболее сложным для ЕС вопросом в отношениях КНР остаётся гармонизация подходов государств-членов, поскольку национальная стратегия каждого из них определяется экономической моделью, уровнем развития, а также остротой последствий кризиса еврозоны.

Сопоставим подходы отдельных государств-членов к выстраиванию отношений с Пекином. Особый интерес представляют «евротройка» (Германия, Великобритания и Франция) и страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Сотрудничество стран ЦВЕ с Китаем осуществляется в формате «16+1», который китайская дипломатия позиционирует в качестве существенного своего достижения.

¹⁰ Casarini N. A New Era for EU-China Relations? // Foreign Affairs, 06.06.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-06-06/new-era-eu-china-relations> (дата обращения: 15.08.2017).

¹¹ China vows win-win cooperation between OBOR, Juncker plan // Xinhua, 18.02.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-02/18/content_23534806.htm (дата обращения: 17.08.2017).

¹² In expectation of a friction-prone or erratic U.S. trade and investment policy, Europe and China must steady and deepen their economic cooperation // Mercator Institute for China Studies (MERICS), 2016. URL: <https://www.merics.org/en/media-contact/press-releases/merics-auf-dem-hamburg-summit/> (дата обращения: 15.08.2017).

«Евротройка» и страны ЦВЕ глубоко заинтересованы в экономическом сотрудничестве с КНР. Они не скупятся на громкие заявления о дружбе и партнёрстве, при этом затушёвывая традиционную риторику. В частности, привычным стало замалчивание правозащитной тематики. При этом Германия, Великобритания и Франция нередко конкурируют друг с другом за внимание и инвестиции Пекина, тогда как страны ЦВЕ даже при несовпадении интересов чаще всего в отношениях с Китаем выступают совместно.

Отношения **Германии** и КНР немецкие эксперты называют симбиозом, в основе которого лежат взаимодополняющие экономические интересы [19, с. 30]. ФРГ – ключевой торговый партнёр Китая в Европе, на которого приходится половина экспорта из ЕС в КНР [24, с. 30]. Китай, в свою очередь, в 2016 г. стал важнейшим коммерческим контрагентом Берлина (торговый оборот достиг 169 млрд евро), обогнав Францию (167 млрд евро) и США (165 млрд евро). Германия и Китай развивают отношения «всеобъемлющего стратегического партнёрства» в рамках 70 диалоговых форматов, а также ежегодных встреч на уровне федерального канцлера и премьер-министра.

Развитие торгово-экономических контактов – основополагающий интерес ФРГ в отношениях с КНР. Немецкие правительственные делегации в Китай традиционно сопровождаются большими бизнес-делегациями. В КНР работает свыше 5000 немецких компаний. С 2014 г. действует германо-китайский Деловой консультативный совет, который занимается вопросами инноваций, перспективами интернационализации юаня и расширением бизнес-контактов двух стран. Одним из основных проводников коммерческих интересов Германии в Китае считается Азиатско-тихоокеанский комитет немецкой экономики.

Интенсивные экономические связи дополняет мощная политическая надстройка. В 2011 г. по результатам первых межправительственных консультаций между странами было заключено 22 соглашения, а в 2014 г. было достигнуто фундаментальное рамочное соглашение. В 2016 г. заключено ещё 24 межправительственных соглашения, в т.ч. в сферах здравоохранения, разработки горных месторождений, развитии нового поколения сетей сотовой связи.

Тем не менее, в последние годы в Берлине заговорили о необходимости изменения политики на китайском направлении. Реализация подписанных соглашений пробуксовывает из-за пассивности КНР. К тому же немецкую сторону настораживают усилия КНР по созданию альтернативных институтов глобального управления (Новый банк развития, АБИИ) [16].

Растущее беспокойство вызывает в ФРГ обострение конкуренции со стороны китайских компаний, чрезмерная зависимость от крупнейшего азиатского рынка, а также асимметрия инвестиционной политики. Немецкий бизнес (как, впрочем, и любой зарубежный) ограничен в покупке активов в Поднебесной, тогда как китайские компании до недавних пор практически беспрепятственно скупали немецкие фирмы. Только за 2016 г. инвесторы из Китая приобрели 58

немецких компаний, в т.ч. в стратегически важных отраслях, на рекордную сумму в 11 млрд евро¹³.

Такая ситуация рассматривается в Берлине как потенциальная угроза национальной безопасности страны в связи с тем, что немецкие производители раскрывают технологии, которые могут использоваться в военной сфере. Из этих соображений осенью 2016 г. немецкие власти приняли решение отложить продажу высокотехнологической компании Osram и запретили поглощение производителя микрочипов Aixtron SE. Несмотря на недовольство официального Пекина, вице-канцлер Зигмар Габриэль пообещал и в дальнейшем «внимательно проверять и в случае необходимости препятствовать китайским инвестициям в Германии и Европе»¹⁴, одновременно напомнив партнёрам о необходимости соблюдать правила ВТО.

На этом фоне образ КНР в глазах немецкой общественности становится менее привлекательным. В 2014 г. каждый второй гражданин Германии видел в усилении позиций КНР потенциальную угрозу национальной безопасности, причём 60% обычных граждан, 72% представителей бизнес-структур и 91% политиков считали, что Китай обладает огромным влиянием на Германию¹⁵. Согласно опросу 2016 г., около 40% немцев ФРГ скорее негативно оценивают внешнеполитическую линию Пекина, тем не менее 58% респондентов считают, что экономические отношения с Китаем и США одинаково важны для ФРГ¹⁶.

Второй по значимости партнёр Китая в Европе – **Великобритания**. В будущем эта страна намеревается обогнать Германию по масштабам торгово-экономического сотрудничества с Пекином. По прогнозам бывшего канцлера казначейства Дж. Осборна, к 2025 г. Китай займёт прочные позиции после США в качестве второго торгового партнёра страны¹⁷. Пока британо-китайский торговый оборот гораздо скромнее германо-китайского и едва превышает 76 млрд долл. США. В то же время в 2000–2016 гг. Лондон стал безусловным европейским лидером по привлечению прямых иностранных инвестиций из Китая¹⁸.

Особый динамизм британо-китайским отношениям придал визит председателя КНР Си Цзиньпина в Лондон в октябре 2015 г., в ходе которого были подписаны соглашение с китайской компанией CGN по строительству АЭС в Великобритании, договор между британской и китайской корпорациями BP и Huadian о поставке в Китай сжиженного природного газа (СПГ) на сумму до

¹³ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016. P. 6.

¹⁴ Ankenbrand H. Gabriel in Peking: China greift Deutschland an // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 01.11.2016. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/china-greift-deutschland-an-14507795.html> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁵ Deutschland und China: Wahrnehmung und Realität // Die Huawei-Studie – 2014. Режим доступа: <http://www.huawei-studie.de/downloads/Huawei-Studie-2014-DE.pdf> (дата обращения 15.08.2017).

¹⁶ Deutschland und China: Wahrnehmung und Realität // Die Huawei-Studie - 2016. URL: <https://www.tns-emnid.com/studien/pdf/huawei-studie-2016.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁷ Arnett G. Xi Jinping state visit: China's relationship with Britain in numbers // The Guardian, 20.10.2015. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2015/oct/20/xi-jinping-state-visit-chinas-relationship-with-britain-in-numbers> (дата обращения 16.08.2017).

¹⁸ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016. P. 10.

10 млрд долл., а также ряд двусторонних соглашений в сфере торговли (на сумму свыше 30 млрд фунтов стерлингов), промышленности и самолётостроения. Кроме того, Лондон обещал содействовать интернационализации юаня. Британская столица, будучи международным финансовым центром, является вторым по величине рынком, где торгуется китайская валюта.

Курс на укрепление стратегического диалога был подтверждён на полях саммита G20 в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Тогда премьер-министр Великобритании Тереза Мэй и председатель КНР Си Цзиньпин подтвердили, что отношения между двумя странами переживают «золотую эру». Для Лондона контакты с Пекином имеют особую ценность в рамках концепции «глобальной Британии»¹⁹, которая нацелена на развитие партнёрств с ведущими державами вне Европы и содействие формированию глобальных механизмов свободной торговли. Китай, со своей стороны, заинтересован в британских интеллектуальных ресурсах, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках для успешной реализации проекта ОПОП²⁰. Практические результаты сотрудничества уже дают о себе знать. В начале 2017 г. между КНР и Великобританией установлено прямое железнодорожное сообщение, что в перспективе приведёт к снижению стоимости грузоперевозок и, как следствие, к росту товарооборота между двумя странами.

Углубление двусторонних связей порождает повышенную осторожность Лондона при обсуждении чувствительных для Пекина вопросов прав человека и демократии. В то же время КНР всё более явно выражает свою точку зрения по поводу политического курса Великобритании. Например, в начале 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Китай надеется на то, что Великобритания... сможет играть позитивную и конструктивную роль в углублении отношений ЕС и КНР»²¹. Примечательно, что в ходе своего визита в Великобританию в феврале 2016 г. самый богатый человек Китая Ван Цзяньлин предостерег Лондон от выхода из ЕС. «Если Великобритания выйдет из состава ЕС, многие китайские компании скорее всего перенесут свои штаб-квартиры в другие страны» [24]. Это заявление было воспринято в Лондоне как негативная оценка Брексита в Китае. Однако официальной реакции на Брексит не последовало. В обозримой перспективе можно ожидать продолжения «золотой эры» британо-китайских отношений: только за 2015–2016 гг. доход китайских компаний в Великобритании вырос в три раза²².

¹⁹ Theresa May's Brexit speech: A Global Britain // *The Spectator*, 17.01.2017. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2017/01/theresa-mays-brexit-speech-global-britain/> (дата обращения: 15.08.2017).

²⁰ Keynote Speech by H.E Ambassador Liu Xiaoming at China Britain Dinner Celebrating the 45th Anniversary of Ambassadorial Diplomatic Relations between China and the UK: Cherish the Golden Era and Build A Better Future // Embassy of the People's Republic of China in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, 11.05.2017. URL: <http://www.chinese-embassy.org.uk/eng/ambassador/t1460054.htm> (дата обращения 15.08.2017).

²¹ Xi Jinping tells David Cameron that China hopes to see a united EU // *The Telegraph*, 23.10.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11949657/Xi-Jinping-tells-David-Cameron-that-China-hopes-to-see-a-united-EU.html> (дата обращения: 15.08.2017).

²² Kyng J.Strong growth for top Chinese investments in UK // *Financial Times*, 12.03.2017. URL: <https://www.ft.com/content/262d1258-0725-11e7-97d1-5e720a26771b?mhq5j=e1> (дата обращения: 18.08.2017).

Франция – третий по значимости партнёр КНР среди государств-членов ЕС. Париж воспринимает отношения с Пекином, прежде всего, как источник восстановления экономического роста. С 2009 г. лейтмотивом франко-китайских отношений стал прагматизм, и Францию заботит торговый дисбаланс в пользу КНР. В 2013 г. в ходе официального визита во Францию Си Цзиньпина стороны договорились о преодолении торговой и инвестиционной асимметрии.

Несмотря на большое количество сделок (одна из последних – с Huawei, которая инвестировала во Францию 1,5 млрд евро), уровень китайских инвестиций во Франции остаётся низким. К началу 2014 г. на Китай приходилось 0,9% накопленных ПИИ [12, с. 26]. Отметим, что Париж держится в стороне от гонки за финансированием из КНР. Поддерживая благожелательную риторику, он сохраняет более высокие по сравнению с партнёрами по ЕС барьеры для проникновения иностранных компаний. Тем не менее, Франции приходится смягчать политику, чтобы не проиграть конкуренцию за китайские капиталовложения. В частности, французские власти согласились с покупкой почти 49% акций тулузского аэропорта китайскими инвесторами, также, как и на инвестиции компаний КНР в туристический и агропромышленный сектора.

В торговле наблюдается позитивная динамика. В 2014 г. в ходе официального визита Си Цзиньпина в Париж было заключено 50 коммерческих соглашений стоимостью 18 млрд евро. Перспективы открываются и в сферах, прежде находившихся на периферии двусторонней повестки дня. В 2015 г. Франция и КНР договорились об углублении сотрудничества в борьбе с терроризмом, а также в сфере противодействия глобальному потеплению. Был установлен и новый формат «децентрализованного сотрудничества» между китайскими провинциями и французскими регионами. В 2016 г. стороны выступили с инициативой создания франко-китайского инвестиционного фонда по финансированию зарубежных проектов – к примеру, АЭС «Хинкли-Поинт» в Великобритании. В обозримой перспективе планируется совместное развитие гражданской авиации и космической промышленности.

По сравнению с другими государствами-членами ЕС Франция более остро критикует КНР за вмешательство государства в экономику, несправедливую конкуренцию и девальвацию юаня. Французские финансовые круги тревожит перспектива интернационализации китайской валюты, которая в среднесрочной перспективе может составить конкуренцию евро. В целом же, реакция Франции на политико-экономическое возвышение КНР довольно сдержанная.

Повестки дня двусторонних отношений ведущих стран ЕС с Пекином перекликаются по вопросам инвестиционного сотрудничества, строительства инфраструктуры, межрегионального и межмуниципального партнёрства (Франция, Германия), что дополнительно обостряет соперничество за «китайский ресурс». Кроме того, британские власти всегда проводили более самостоятельную политику, тогда как Германия и Франция стремились к гармонизации своих подходов к Китаю. К примеру, А. Меркель и Ф. Олланд, посетившие Пекин

в ноябре 2015 г., выступали от имени «всей Европы», одновременно подчёркивая свой статус приоритетных партнёров КНР в Евросоюзе [25]. Другой пример – координация позиций ФРГ и Франции в преддверии их присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), тогда как Великобритания уклонялась от обсуждения этого вопроса с ключевыми европейскими партнёрами.

Вовлечение стран Центральной и Восточной Европы в инициативу «16+1»

«16+1» – амбициозная инициатива Китая, стартовавшая в апреле 2012 г., когда был проведён первый саммит КНР и государств ЦВЕ (11 из них – государства-члены ЕС). На основе его решений в Пекине был создан секретариат сотрудничества, при котором сформирован институт национальных координаторов от европейских стран.

Взаимодействие в рамках «16+1» развивается на основе как собственно китайских, так и согласованных с партнёрами деклараций, которые предусматривают: увеличение взаимного товарооборота; строительство в странах ЦВЕ технопарков; создание специальной кредитной линии, часть которой составляют льготные кредиты на проекты в сфере инфраструктуры, высоких и новых технологий, а также зелёной энергетики; реализацию крупных логистических проектов; развитие атомной, тепловой и гидроэнергетики. Со временем возникают новые механизмы партнёрства, такие как Консультативный комитет экспертов по вопросам строительства транспортной сети, Союз Китая и ЦВЕ по содействию туризму, Форум культурного сотрудничества и Форум молодых политиков Китая и ЦВЕ. Обсуждаются перспективы присоединения стран региона к китайским проектам Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI в.

Во взаимодействии с ЦВЕ Пекин практикует «двухъярусный подход»: с одной стороны, страны региона воспринимаются как единый партнёр в Европе, а с другой стороны, китайские политики, дипломаты и бизнесмены ведут переговоры с каждым из участвующих государств, реализуя индивидуальные стратегии. В «16+1» входят государства с разным статусом: члены ЕС, кандидаты, и страны, претендующие на вхождение в эту категорию. С учётом того, что эта инициатива развивается наравне с отношениями КНР с Брюсселем, она объективно работает на раздробление общеевропейского пространства. Формат саммитов Китая с ЦВЕ воспроизводит опыт взаимодействия Пекина с развивающимися странами Африки и Латинской Америки.

В последнее время Пекин называет «16+1» механизмом, который не просто дополняет всеобъемлющее стратегическое партнёрство КНР – ЕС, но представляет собой его неотъемлемую часть. Так, в ноябре 2016 г., в преддверии Рижского саммита «16+1» глава постоянного представительства КНР при ЕС Ян Яньи отметила, что сотрудничество между Китаем и государствами ЦВЕ призвано дать

мощный импульс развитию всего комплекса отношений Китай – ЕС²³. Это положение отражено и в декларации Рижского саммита «16+1»²⁴ под говорящим заголовком «Взаимосвязанность, инновации, комплексность и общее развитие», в которой стороны подтвердили стремление задействовать «китайское оборудование, европейские технологии и рынки стран ЦВЕ» для взаимодействия в портах Адриатического, Балтийского и Чёрного морей, увеличить синергии между китайским проектом «Пояса и пути», национальными стратегиями экономического развития стран ЦВЕ и Трансевропейской транспортной сетью.

Из другого документа Рижского саммита – «руководящих принципов»²⁵ – следует, что формат «16+1» считается в КНР основным для закрепления позиций в европейском регионе. Именно на ЦВЕ приходится основной массив китайских инициатив. Документ содержит внушительный список проектов и мероприятий, осуществлённых в развитие Сучжоуских принципов по сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ от 2015 г.²⁶ Подобная отчётность уже стала традицией ежегодных саммитов ЦВЕ–КНР. К достижениям 2016 г. отнесены: создание Секретариата КНР–ЦВЕ по логистическому сотрудничеству в Латвии и Центра диалога и сотрудничества по энергетическим проектам в Румынии, формирование холдинговой компании Sino – CEEF для поощрения инвестиционной деятельности, проведение бизнес-форумов, научных мероприятий и многое другое. На следующий отчётный период был принят «план действий».

Столкнувшись с финансовым дефицитом, отсталостью инфраструктуры и уменьшением объёмов экспорта, страны ЦВЕ воспринимают формат «16+1» как шанс выйти на новый виток развития. Однако зачастую их ожидания не оправдываются, что вызывает определённое недовольство²⁷. Опыт показал, что КНР рассматривает регион как средство для реализации своих коммерческих интересов.

Самый амбициозный участник «16+1», Варшава, стремится стать посредником экономического присутствия Китая в Европе, позиционируя себя как страну с высокой политической и экономической стабильностью, дешёвой и квалифицированной рабочей силой. Своими конкурентными преимуществами Польша считает также наличие 14-ти специальных экономических зон, обеспе-

²³ Interview: China-EU cooperation makes cake of common interests bigger - Chinese Ambassador to EU // Xinhua, 27.05.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-05/27/c_136320675.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁴ Full text of Riga Declaration // The State Council of the People's Republic of China Website, 06.11.2016. URL: http://english.gov.cn/news/international_exchanges/2016/11/06/content_281475484335120.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁵ The Riga Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries // The State Council of the People's Republic of China Website, 06.11.2016. URL: http://english.gov.cn/news/international_exchanges/2016/11/06/content_281475484363051.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁶ The Suzhou Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries // China-CEEC Website, 21.10.2016. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/sz2015/hdxw/t1411473.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁷ Maurice E. China's 16+1 foray into Central and Eastern Europe // EU Observer, 26.06.2017. URL: <https://euobserver.com/eu-china/138347> (дата обращения: 20.08.2017)

ченность природными ресурсами, а также трансформационный опыт 1990-х гг. Однако в полной мере реализовать амбиции Польши не удаётся.

Польские эксперты отмечают, что в последние годы участились визиты китайских делегаций, которые интересуются опытом по развитию сферы услуг и системы социальной безопасности (здравоохранение, пенсионное обеспечение), по сокращению разрыва в доходах населения и повышению уровня жизни в стране. Вместе с тем китайские партнёры редко прислушиваются к интересам самой Польши. Хорошим примером тому, что отношения сторон отвечают в первую очередь китайским интересам, служит открытие в 2010-х г. железнодорожных связей Лодзь – Чэнду и Варшава – Сучжоу, которые до сих пор в основном используются для импорта китайской продукции в Польшу – в Китай поезда возвращаются полупустыми [35, с. 59].

Разочарование Варшавы разделяют и венгерские политики: планы Китая по реализации нескольких инфраструктурных проектов так и не были воплощены в жизнь [27, с. 43]. Тем не менее, правительство Венгрии рассчитывает на реконструкцию железной дороги Будапешт – Белград. Как ожидается, в перспективе по этому маршруту пойдут грузы из контролируемого китайским бизнесом греческого порта Пирей в страны Западной Европы. Соглашения о строительстве были подписаны на третьем саммите «16+1» в Белграде в 2014 г., сдача в эксплуатацию назначена на 2017 г., но реализация проекта затягивается.

Несмотря на недовольство участников «16+1» некоторыми аспектами развития сотрудничества, ни один из них не намерен покидать формат. Он способствует углублению сотрудничества с КНР и побуждает страны ЦВЕ прибегать к торгу за частные преимущества в рамках двусторонних договоренностей. Такие прецеденты вызывают беспокойство в ЕС, где проект «16+1» изначально рассматривался как попытка КНР извлекать выгоды из противоречий между странами-членами.

Таким образом, те стратегии по развитию контактов с Китаем, которым следуют отдельные страны Евросоюза, накладывают существенные ограничения на реализацию общеевропейского внешнеполитического курса по отношению к КНР. Ввиду того, что во взаимодействии с Пекином все эти страны выступают как конкуренты за общий ресурс, обостряется проблема коллективного действия. Наличие преобладающего государства, общих институтов и разделяемой идентичности не позволяют преодолеть искушение получить индивидуальную выгоду от выстраивания автономных преференциальных связей в тех областях, в которых государства сохраняют компетенции (прежде всего, в инвестиционной и транспортно-логистической сферах).

Заключение: баланс выгод и издержек

Как и другие форматы международных взаимодействий, отношения ЕС и КНР не свободны от противоречий. В то же время обе стороны извлекают вы-

годы от сотрудничества. ЕС стремится сохранить позиции ключевого адресата инвестиций и важнейшего партнёра КНР в развитии как двусторонних, так и исключительно китайских инфраструктурных проектов. Китай, в свою очередь, заинтересован в Евросоюзе, предлагающем свой высоколиквидный рынок для сбыта товаров и услуг.

По своей экономической основе отношения КНР с ЕС лучше сбалансированы, чем взаимодействие Китая и США: у европейских стран меньше задолженность, а процесс финансирования и деиндустриализации хозяйства в Германии и других ведущих экономиках Евросоюза не достиг того же уровня, что по другую сторону Атлантики. Тем не менее, в них присутствует серьёзный источник политического диспаритета, связанный с проблемой коллективного действия. Положение Европейского союза в качестве метаорганизации затрудняет выработку общей линии в отношении Китая даже в той сфере, в которой ЕС обладает широкими и институционализированными компетенциями – в области экономического сотрудничества.

С конца 2000-х гг. возросшие финансовые возможности Китая привели к появлению конкуренции за них между государствами-членами ЕС. Взаимодействие ЕС с КНР дополнилось самостоятельными форматами сотрудничества отдельных европейских стран или их субгруппировок.

Организационная слабость Евросоюза не всегда даёт преимущества именно Китаю, так как её могут эксплуатировать и другие игроки. Например, влияние США препятствует возобновлению военно-технического сотрудничества Евросоюза с КНР. Тем не менее, она объясняет большую открытость ЕС для финансового проникновения китайских компаний по сравнению с другими крупными игроками. Более широким последствием становится снижение сравнительной силы ЕС в переговорах с Китаем, в том числе по вопросам экономического регулирования.

Список литературы

1. Валуев А.В. Китай и Великобритания: политический диалог в системе координат глобального мира (1991–2015 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы V международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: БПГУ, 2015. С. 465–467.
2. Гнатюк Н. Политическая субъектность ЕС? // Международные процессы. 2014. № 4(39). С. 32–48.
3. Граблин А.В. Сближение Германии и Китая: от партнёрства до союза один шаг? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. №1. С. 12–16.
4. Кроц У., Маэр Р. Теория международных отношений и развитие европейского сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в 3 тт. / под общ. ред. И. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. Т. 3. С. 452–484.
5. Луконин С. Греция и Китай: развитие экономических связей на фоне кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике / отв. ред. Ю. Квашнин. М.: ИМЭМО, 2013. С. 129–131.
6. Рогачёв А. Китай и ЕС: проблема предоставления статуса рыночной экономики // Международная жизнь. 2016. №8. С. 87–98.

7. Стрежнева М. Субъектность Евросоюза в отражении организационной теории // *Международные процессы*. 2016. №1(44). С. 63–76.
8. Троицкий М. Европейский союз в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. №2(5). С. 43–58.
9. Bickenbach F, Wan-Hsin L., Guoxue L. The EU–China Bilateral Investment Agreement in Negotiation: Motivation, Conflicts and Perspectives. *Kiel Policy Brief*, 2015, no. 95. 32 p. URL: <https://www.ifw-kiel.de/wirtschaftspolitik/zentrum-wirtschaftspolitik/kiel-policy-brief/kpb-2015/kiel-policy-brief-95> (дата обращения 15.08.2017).
10. Bindi F, Shapiro J. EU Foreign Policy: Myth or Reality? // *The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe’s Role in the World* / Ed. by F. Bindi. Brookings Institution Press. Washington, D.C., 2010. Pp. 339–348.
11. Checkel J.T. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework // *International Organization*. 2005. Vol. 59. No. 4. Pp. 801–826.
12. Ekman A., Seaman J. France and China: A not so ‘special’ relationship // *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC) / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 25–29. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
13. EU–China Relations: 2015 and beyond [Электронный ресурс] // *Business Europe*. March 9, 2015. URL: <https://www.businesseurope.eu/publications/eu-china-relations-2015-and-beyond> (дата обращения 15.08.2017).
14. Godement F, Stanzel A. The European Interest in an Investment Treaty with China [Электронный ресурс] // *Policy Brief*, 2015, no. 127. 10 p. European Council on Foreign Relations (ECFR). URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_\(both_graphics\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_(both_graphics).pdf) (дата обращения 15.08.2017).
15. Groenleer M., van Schaik L. United We Stand? The European Union’s International Actorness in the Cases of the International Criminal Court and the Kyoto Protocol // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45. No 5. Pp. 969–998.
16. Heilmann S., Rudolf M., Huotari M. China’s Shadow Foreign Policy: parallel structures challenge the existing order (China Monitor No. 18) [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 28, 2014. 9 p. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/China-Monitor/China_Monitor_No_18_en.pdf (дата обращения: 17.08.2017).
17. Howorth J. Europe at a Historical Crossroads: Grand Strategy or Resignation? Working Paper No. 02/2011 [Электронный ресурс] // Institute for European Integration Research – Austrian Academy of Sciences. January 2011. URL: <https://eif.univie.ac.at/downloads/workingpapers/wp2011-02.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).
18. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? // *Journal of Common Market Studies (JCMS)*. 2010. Vol. 48. No 3. Pp. 455–474.
19. Huotari M. Germany’s China policy: No honeymoon forever// *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 30–35. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
20. Jupille J., Caporaso J.A. States, Agency and Rules: The European Union in Global Environmental Politics // *The European Union in the World Community*. 1998. Vol. 17. Pp. 157–182.
21. Keohane R. After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. Pp. 135–181.
22. Keukeleire St., Delreux T. The Foreign Policy of the European Union. 2nd edition. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 367 p.
23. Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. Berkley: University of California Press, 1974. 336 p.
24. Le Corre Ph. Could Brexit bring the end of the new Sino-British “special relationship”? [Электронный ресурс] // *Brookings*. March 17, 2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/03/17-chinese-investments-brexitlecorre> (дата обращения 17.08.2017).
25. Le Corre Ph., Stumbaum M.-B. Not a European beauty contest: The French and German approach to China [Электронный ресурс] // *Brookings*. November 3, 2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/11/03->

- merkel-hollande-visit-china-lecorre-stumbaum (дата обращения 17.08.2017).
26. Marsh S., Mackenstein H. The International Relations of the European Union. London: Pearson, 2005. 328 p.
27. Matura T. Hungary and China: Hopes and reality // Mapping Europe-China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC) / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 41-45. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
28. Meunier S. Trading Voices: The European Union in International Commercial Negotiations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 223 p.
29. Niemann A., Bretherton Ch. EU external policy at the crossroads: The challenge of actorness and effectiveness // International Relations. 2013. No 27(3), Pp. 261–275.
30. Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 208 p.
31. Plesner-Parello J., Kratz A. How can the EU promote its economic interests with China? Policy Paper 85. Jacques Delors Institute [Электронный ресурс] // Notre Europe: Jacques Delors Institute. March 2013. URL: <http://www.institutdelors.eu/media/euchina-parelloplesnerkratz-ne-jdi-mar13.pdf?pdf=ok> (дата обращения 17.08.2017).
32. Risse Th. No Demos? Identities and Public Spheres in the Euro Crisis // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. No. 6. Pp. 1207–1215.
33. Sjöstedt G., The External Role of the European Community. Farnborough: Saxon House, 1977. 282 p.
34. Song L., Bian Q. The EU through the eyes of Chinese social media: A case study of the official micro-blog of Chinese Foreign Ministry // International Communication Gazette. February–March 2016. Vol. 78. No. 1–2. Pp. 64–82.
35. Szczudlik-Tatar J. Poland–China relations: Forging a strategic partnership? // Mapping Europe-China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC) / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 56-61. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
36. Taking Europe to the World. 50 Years of the European Commission's External Service. Brussels: European Communities, 2004 [Электронный ресурс] // Erasmus Thematic Network. URL: http://www.imediterranei.eu/Joomla/images/stories/anniversario/07_50_years_broch_en.pdf (дата обращения 17.08.2017).

Об авторах:

Юлия Дмитриевна Жданова – атташе Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России. 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.

E-mail: zhdanova.yu.d@my.mgimo.ru.

Игорь Александрович Истомин – к.полит.н., старший преподаватель кафедры МАМП МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iaistomin@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках НИР МГИМО 2015-2016.

EU REACTION TO CHINA'S ECONOMIC RISE

Julia D. Zhdanova, Igor A. Istomin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The international actorness of the European Union is an object of prolonged scholarly and political debates. As an association of states with both complementary and competing interests it faces the problem of collective action. The EU elaborated several mechanisms to mitigate its effect, which, however, do not necessarily avail it to conduct a coherent policy towards other major powers. The current article demonstrates that when it comes to defending European interests in the world arena, Brussels faces a range of challenges even in the most developed spheres of the integration process, such as international economic cooperation. Due to the insufficiency of hegemony, common identity and institutional weakness, the member states of the European Union tend to pursue their own private interests, rather than speak for the common interest. This tendency is traced in the article using the record of relations between the EU and China. Despite the fact that the EU is, in many ways, wealthier and technologically more developed than China, its dependence on huge financial resources flowing from the Asian ascending power has grown in 2010s. While the European Commission's goal is to secure access to Chinese market for European companies, individual member states vie for Chinese investments. To illustrate this, the article highlights competitive strategies of Germany, Great Britain, France and Central and Eastern European countries (CEECs). It examines engagement of the CEECs in the Chinese initiative "16+1". The authors conclude that competition between European states in financial sphere reduces their bargaining leverage not only in economic matters, but also on some political issues.

Key words: European Union, China, collective action problem, Central and Eastern Europe, European troika, economic cooperation.

References

1. Valuev A.V. Kitaj i Velikobritaniya: politicheskij dialog v sisteme koordinat global'nogo mira (1991–2015 gg.) [China and Great Britain: Political Dialogue in the Coordination System of the Global World (1991–2015 gg.)]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva – Russia and China: History and Prospects of Cooperation*. Ed. By D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov, N.V. Kireeva. Blagoveschensk: BPGU, 2015, pp. 465–467 (in Russian).
2. Gnatiuk N. Politicheskaja sub'ektnost' ES? [Political actorness of the EU?]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2014, vol. 4, no. 39, pp. 32–48 (in Russian).
3. Grablin A.V. Sblighenie Germanii i Kitaya: ot partnerstva do soyuza odin shag? [Germany and China Getting Closer: From Partnership to Alliance One Step?]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij – Urgent Issues in Contemporary International Relations*. 2013. No. 1, pp. 12–16 (in Russian).
4. Krotz U., Maher R. International relations theory and the rise of European foreign and security policy. *World Politics*. 2011, vol. 63, no. 3, pp. 548–579. (Russ. ed.: Krotz U., Maer R. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenij i razvitiie evropeiskogo sotrudnichestva v sfere vneshnei politiki i politiki bezopasnosti. *Sovremennaja nauka o mezhdunarodnykh otnosheniiakh za rubezhom v 3*

- tomah [Contemporary international relations studies abroad, 1–3 Vol.]. Ed. by I. Ivanov. Moscow, RIAC. 2015, vol. 3, pp. 452–484).
5. Lukonin S. Gretsya i Kitaj: razvitie ekonomicheskikh odnoshenij na fone krizisa [Greece and China: Development of Economic Relations in the Context of the Crisis]. *Sovremennaya Gretsya v mirovoj ekonomike i politike – Contemporary Greece in World Economy and Politics*. Ed. By Yu. Kvashnin. Moscow: IMEMO, 2013. pp. 129–131 (in Russian).
 6. Rogachev A. Kitaj i ES: Problema predstavleniya statusa ryinochnoy ekonomiki [China and the EU: the issue of granting market economy status]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 2016, no 8, pp. 87–98 (in Russian).
 7. Strezhneva M. Sub'ektnost' Evrosoiuza v otrazhenii organizatsionnoi teorii [EU actorness and organizational theory]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2016, vol. 1, no. 44, pp. 63–76 (in Russian).
 8. Troitskii M. Evropeiskii Soiuz v mirovoi politike [The European Union in world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2004, vol. 2, no. 5, pp. 43–58 (in Russian).
 9. Bickenbach F., Wan-Hsin L., Guoxue L. The EU–China Bilateral Investment Agreement in Negotiation: Motivation, Conflicts and Perspectives. *Kiel Policy Brief*, 2015, no. 95. 32 p. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/wirtschaftspolitik/zentrum-wirtschaftspolitik/kiel-policy-brief/kpb-2015/kiel-policy-brief-95> (accessed: 02.06.2016).
 10. Bindi F., Shapiro J. EU Foreign Policy: Myth or Reality? *The Foreign Policy of the European Union: Assessing Europe's Role in the World*. Ed. by F. Bindi. Washington, D.C., Brookings Institution Press, 2010, pp. 339–348.
 11. Checkel J.T. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework. *International Organization*, 2005, vol. 59, no. 4, pp. 801–826.
 12. Ekman A., Seaman J. France and China: A not so 'special' relationship. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom–Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 25–29. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 13. EU–China Relations: 2015 and beyond. *Business Europe*, 03.03.2015. Available at: <https://www.businesseurope.eu/publications/eu-china-relations-2015-and-beyond> (accessed: 15.08.2017).
 14. Godement F., Stanzel A. The European Interest in an Investment Treaty with China. *Policy Brief*, 2015, no. 127. 10 p. European Council on Foreign Relations (ECFR), 19.02.2015. Available at: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_\(both_graphics\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_(both_graphics).pdf) (accessed: 15.08.2017).
 15. Groenleer M., van Schaik L. United We Stand? The European Union's International Actorness in the Cases of the International Criminal Court and the Kyoto Protocol. *Journal of Common Market Studies*, 2007, vol. 45, no. 5, pp. 969–998.
 16. Heilmann S., Rudolf M., Huotari M. China's Shadow Foreign Policy: parallel structures challenge the existing order. *MERICS China Monitor*, 2014, no. 18. 9 p. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 28, 2014. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/China-Monitor/China_Monitor_No_18_en.pdf (accessed: 17.08.2017).
 17. Howorth J. Europe at a Historical Crossroads: Grand Strategy or Resignation? *Austrian Academy of Sciences Institute for European Integration Research Working Paper*, 2011, no. 02. 34 p. Available at: <https://eif.univie.ac.at/downloads/workingpapers/wp2011-02.pdf> (accessed: 17.08.2017).
 18. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? *Journal of Common Market Stud-*

- ies, 2010, vol. 48, no 3, pp. 455–474.
19. Huotari M. Germany's China policy: No honeymoon forever. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 30–35. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 20. Jupille J., Caporaso J.A. States, Agency and Rules: The European Union in Global Environmental Politics. *The European Union in the World Community*, 1998, vol. 17, pp. 157–182.
 21. Keohane R. *After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, Princeton University Press, 1984, pp. 135–181.
 22. Keukeleire St., Delreux T. *The Foreign Policy of the European Union*. 2d ed. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2014. 367 p.
 23. Kindleberger Ch. *The World in Depression, 1929–1939*. Berkley, University of California Press Publ., 1974. 336 p.
 24. Le Corre Ph. Could Brexit bring the end of the new Sino–British 'special relationship'? *Brookings*, 17.03.2016. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/03/17-chinese-investments-brexitecorre> (accessed: 17.08.2017).
 25. Le Corre Ph., Stumbaum M.–B. Not a European beauty contest: The French and German approach to China. *Brookings*, 03.11.2016. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/11/03-merkel-hollande-visit-china-lecorre-stumbaum> (accessed: 17.08.2017).
 26. Marsh S., Mackenstein H. *The International Relations of the European Union*. Harlow, Pearson Longman Publ., 2005. 328 p.
 27. Matura T. Hungary and China: Hopes and reality. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 41–45. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 28. Meunier S. *Trading Voices: The European Union in International Commercial Negotiations*. Princeton, NJ, Princeton University Press Publ., 2005. 223 p.
 29. Niemann A., Bretherton Ch. EU external policy at the crossroads: The challenge of actorness and effectiveness. *International Relations*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 261–275.
 30. Olson M. *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2002. 208 p.
 31. Plesner-Parello J., Kratz A. How can the EU promote its economic interests with China? *Notre Europe, Jacques Delors Institute Policy Paper*, 2013, no. 85. 6 p. Available at: <http://www.institutdelors.eu/media/euchina-parelloplesnerkratzne-jdi-mar13.pdf?pdf=ok> (accessed: 17.08.2017).
 32. Risse Th. No Demos? Identities and Public Spheres in the Euro Crisis. *Journal of Common Market Studies*, 2014, vol. 52, no. 6, pp. 1207–1215.
 33. Sjöstedt G. *The External Role of the European Community*. Farnborough, Saxon House Publ., 1977. 282 p.
 34. Song L., Bian Q. The EU through the eyes of Chinese social media: A case study of the official micro-blog of Chinese Foreign Ministry. *International Communication Gazette*, 2016, vol. 78, no. 1–2, pp. 64–82.
 35. Szczudlik-Tatar J. Poland–China relations: Forging a strategic partnership? // *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 56–61. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_

upload/downloads/Allgemeine_PDF/
Mapping_Europe-China_Relations.pdf
(accessed: 14.08.2017).

36. *Taking Europe to the World. 50 Years
of the European Commission's External*

Service. Brussels, European Communi-
ties, 2004. Erasmus Thematic Network.
Available at: [http://eeas.europa.eu/
delegations/docs/50_years_brochure_
en.pdf](http://eeas.europa.eu/delegations/docs/50_years_brochure_en.pdf) (accessed: 17.08.2017).

About the authors:

Julia D. Zhdanova – attaché, Department for Nonproliferation and Arms Control, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq., 119200, Russia. E-mail: zhdanova.yu.d@my.mgimo.ru.

Igor A. Istomin – PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Applied International Analysis, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: iaistomin@gmail.com.